

комплексы, монографии, авторефераты, диссертации, энциклопедии, словари и справочники, законодательно-нормативные документы, специальные периодические издания и издания, выпускаемые издательствами вузов. В настоящее время "tsul.library" соответствует всем требованиям образовательных стандартов высшего образования нового поколения.

Использование обучающимся нужной для него информации формирует систему мотивов деятельности и является базой для становления профессиональных компетенций. Поэтому актуальна потребность в создании виртуальной цифровой этики, включающей морально-философскую рефлексию и нравственную оценку виртуальной коммуникации, подготовки теоретического обоснования норм и принципов, регулирующих поведение людей в цифровой среде, и главное, создание правовых механизмов, обеспечивающих соблюдение этих норм и принципов.

Референсиз:

1.Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису от 24 января .2020 года <https://www.google.com>

2.Указ Президента Республики Узбекистан от 02.03.2020 г. N УП-5953 "О Государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах в "Год развития науки, просвещения и цифровой экономики"

3.Концепция развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года от 8 октября 2019 года № УП-5847

4.Указ Президента Республики Узбекистан т 29 апреля 2020 года «О дополнительных мерах по кардинальному совершенствованию юридического образования и науки в Республике Узбекистан»

5.Мухитдинова Ф.А. Новый этап реформирования подготовки юридических кадров в Республике Узбекистан // Экономика Центральной Азии. – 2017. – Том 1. – № 2. – С. 101-107. – doi: 10.18334/asia.1.2.37980.

6.Amadco A. Distance education without high costs // Learning fhd leading with technology, 1995, vol 22, № 8, p. 12-13.

7. Distant higher education and the adult learner. /Ed by Van Enkernort-Heerlen Dutchopen univ,1986.

8.Moore M.G.,Kearsley G. Listant Education: A System View.- Wadsworth Pubishing,1996, 290 p.

УДК 340.15.130: 17

ВЛИЯНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА РУСИ И РОССИЙСКОЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Рузманов Ю.В.

Елдин М.А.

ФГБОУ ВПО

МГУ им. Н.П. Огарёва (Саранск).

THE INFLUENCE OF THE BYZANTINE LEGAL CULTURE ON RUSSIA AND THE RUSSIAN POLITICAL AND LEGAL SPACE.

Rusmanov Yu. V.,

Eldin M. A.

FGBOU VPO the Mordowian state University. N. P. Ogarev (Saransk).

АННОТАЦИЯ

После кризиса второй половины III в. н.э., пережитого Римской империей, и образования Восточно-Римской империи унаследованное ею римское право превратилось в сильно переработанное византийцами законодательство этносов, населявших трансформирующуюся Византию. Обычай и право этим многочисленных народностей способствовали процессу «эллинизации» традиций классического права Рима и этоса государственных институтов.

Византия это восточно-римское позднеантичное государственное образование «Второго Рима» было этнически пестрое, смешение смесь называется себя не греками и греков, но только «Романия» – политейя Ромайон ("Ромайон"-греческое римский), подчеркивая, что это не нация, но согражданства, скрепленная юридической традицией великого Рима. Византия жила и переосмыслила опыт двух великих империй. В-первых, Александра Македонского, когда был порожден феномен «эллинизма» в областях Леванта, а во-вторых – империя Рима, как упоминалось выше. Но с 395 г. Византийская империя начала в истории свои исторический опыт, как христианизированная наследница Греко-римского мира.

ANNOTATION

After the crisis of the second half of the third century ad, experienced by the Roman Empire, and the formation of the Eastern Roman Empire, the inherited Roman law turned into a heavily revised legislation of the Byzantines of the ethnic groups that inhabited the transforming Byzantium. The customs and law of these numerous peoples

contributed to the process of "Hellenization" of the traditions of classical Roman law and the ethos of state institutions.

Byzantium this Eastern Roman late-antique state formation of the "Second Rome" was ethnically mixed, a mixture called itself not by the Greeks and the Greeks, but only "Romania" – *politia Romayon* ("Romayon" - Greek Roman), emphasizing that it is not a nation, but a co-citizenship, cemented by the legal tradition of great Rome. Byzantium lived and reinterpreted the experience of two great empires. First, Alexander the great, when the phenomenon of "Hellenism" was born in the Levant, and secondly, the Empire of Rome, as mentioned above. But since 395 The Byzantine Empire began its historical experience as the Christianized successor of the Greco-Roman world.

Ключевые слова: Право, государство, имения, клерикализм, преемственность законов, нормы морали, свод законов, кодекс, российское общество, византизм

Keyword: Law, state, estates, clericalism, continuity of laws, moral norms, code of laws, Russian society, Byzantinism

Вступление.

Страна восточных римлян-византийцев, грецизированные и христианизированные мультиплеменные соотечественники, которые после падения Западной-Римской империи с 476 г. в условиях натиска врагов было выгоднее и безопаснее жить вместе, чем порознь. Они сохранили принципы легитимности и правовые понятия «законности государственного порядка» от вторжения врагов. Согласно римской парадигме юридической мысли: «закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное. Вечное. Предлагать полную или частичную отмену этого закона-кошунство; сколько-нибудь ограничить его действие недозволено; отменить его полностью невозможно» [22, с. 21].

Что за скрепы сохранили страну от распада в течение тысяч лет? Среди них мы находим понятие римской православной ойкумены: единое государство образующего православных людей под главенством византийского императора. Византия была изначально отвергающей одну этническую основу. По верному наблюдению современного отечественного исследователя В.М. Межуева, «Рим православный (Византия), возникший после принятия Римской империей христианства и перенесения ее столицы в Константинополь...» придерживался особой версии в этике власти «...По этой версии причиной гибели «первого Рима» стало его язычество, с точки зрения христианства бездуховность, повлекшая моральную деградацию власти и граждан» [15, с. 3].

Обсуждение. Известный отечественный византолог XIX века Ф.И. Успенский о факторах государственно-правового плана в условиях которых сложилась Византия, как духовно-правовая данность Второго Рима, писал по этому поводу: «В качестве выражения политических, культурных и этнографических особенностей, которые характеризуют Восточную Римскую империю, византизм показан в следующих конкретных характеристиках: 1) постепенное упразднение ... латинского языка и замена его на греческий в делопроизводстве; Этот процесс начинается в VI и заканчивается в VII и VIII в.; 2) в борьбе национальностей из-за политической преобладания; эта борьба характеризуется появлением на престоле и высшей военной и

гражданской администрации представители различных этнографических элементов, входящих в империю; 3) в памятниках искусства, таких как монеты из VII века. Они представляют собой новый тип изображений, что свидетельствует о появлении новой расы; 4) литературной производительности, характеризуется производством оригинальной мира под влиянием эллинистических и восточных философских идей, распространенности мистики и узкого консерватизма, наконец, 5) забытые традиции классического периода, место, которые служат Восток, главным образом, Иран» [21, с. 3]. В условиях полиэтничности ведущей существенной категорией бытия империи ромеев было понятие «соборности», как отражение всегражданского православного единства империи.

Под категорией соборности обычно подразумевались согласие (симфония), единодушное участие верующих в жизни мира и церкви, своего рода «всенародное жизнестроительство» и коллективное спасение (сотерион). Соборность противопоставлялась индивидуальному мудрствованию с его рассудочной, по византийским понятиям, абстрактной спекуляцией. Соборное переживание и соответствующее поведение чуждалось интеллекта и скорее ориентировалось на эмоцию, «движение сердца», но в то же самое время стремились к конкретности, осязательности религиозности актов, к их согласованности с обычаем, с «исконными» и «естественными» привычками, а не с отвлеченными принципами.

По мысли С.С. Аверинцева, «как бы ни обстояло дело с материями духовными, требующими чисто частного покаяния, византиец считал, что в политике Бог за победителя... Своей державе византиец верен во веки веков, но своему государю – лишь до тех пор, пока уверен, что особа этого государя прагматически соответствует величию державы...» [1, с. 220]. И действительно, византийский престол был открыт разного рода авантюристам. Выдающийся византийский мыслитель и государственный деятель эпохи македонской династии М. Пселл свидетельствует о своеобразном моральном кодексе поведения византийского политика в своих исторических сочинениях: «... упразднить пышные должности, ни кому из воинского сословия не давать богатства,

но обратить их... чтобы мысли их были заняты домашними делами, не вводить во дворец женщину, не подпускать к себе ни кого близко и не посвящать сразу многих людей в тайные замыслы» [17, с. 14].

Выдающийся русский философ и дипломат XIX столетия К.Н. Леонтьев при анализе наследия византийцев верно писал о том, что византийский кесаризм опирался на две силы – христианскую религию и древнее государственное право [10, с. 24]. Если император нарушал требования симфонии, то давал повод обвинять себя в неправославии: «ибо царство и церковь находятся в теснейшем союзе, и невозможно отделить их друг от друга. Тех только царей отвергали христиане, которые были еретиками, неистовствовали против церкви и вводили развращающие догматы, чуждые апостольского и отеческого учения» [6, с. 22].

Еще ранневизантийскими духовными деятелями было установлено правило, которое гласило, что «нет власти, кроме той, что от Бога». Так патриарх Константинополя Геннадий Святой (V в.) в своем труде «О вере и жизни христианской» призывает своих «чад духовных» к традиционному христианскому смиренню перед силой власти земной, как воплощения небесной власти в этом мире: «Царя бойся всей твоей силою. Страх не на погибель души, но научит тебя бояться Бога...» [4, с. 139]. Вместе с тем духовные иерархи византийской церкви, в духе древнегреческой традиции, требовали от верующих неукоснительно защищать от «сильных мира сего» своих ближних и «убогих», ибо, по их позиции, все должны быть равны перед судом власти, что от Бога: «Если можешь обращаться прямо к царю и властям – поскорби перед ними об обидимом от сильного. И до потопа защити сироту, чтобы Господь вменил каплю твоего пота с кровью мученика» [4, с. 162].

В то же время не следует предполагать, что ранневизантийские отцы церкви выступили с идеями противостояния «сильным» (□□□□□□) «мира сего». С позднеантичной эпохи в византийском обществе отстаивалась идеология нерушимости установившегося порядка-таксиса. Выдающийся ранневизантийский церковный деятель Псевдо-Дионисий Ареопагит предполагал следующее решение вопроса о порядке общественного управления: должен быть порядок, который «...образован по подобию премирных небесных чинов, и невещественные небесные чины представлены в различных вещественных образах и уподобительных...» [18, с. 4]. Исследуя проблемы культурно-правовых особенностей средневекового общества, отечественный культуролог А.Я. Гуревич, относительно византийских традиций правового наследия, пишет: «...присмотревшись к византийскому “индивидуализму”, мы убеждаемся, что он имел мало общего с развитием подлинной человеческой индивидуальности... “индивидуализм” византийской знати – это индивидуализм холопов, заботившихся о своей карьере и обогащении, лишенных какого бы ни было чувства собственного достоинства, готовых

ради подачи на унижение... Здесь сверху донизу были рабами... отношение к праву в Византии совершенно иным, нежели на западе. Византия прославилась... сводом – Кодексом Юстиниана... и полнейшим отсутствием правосознания, уважения к закону как гаранту прав человеческой личности. Принцип “что угодно императору, то имеет силу закона” – это принцип самодержавного беззакония... Будучи нормой, холопство порождено произвол и деспотизм, лицемерие» [5, с. 203-204]. Указанные автором наблюдения безусловно верны, в том случае когда приводится оценка «сервильизма» византийцев, формального отношения к законности и узурпации власти. Но не стоит забывать, что все же средневековый грек – был не собственностью «василевсов ромеев», а подданным империи, что не одно и то же. Кроме того, в Византии население довольно продолжительное время, вплоть до крестовых походов, сохраняли легитимные рычаги воздействия на власть. Достаточно верно С.С. Аверинцев указал на то обстоятельство, что византийский «... монархический строй был унаследован от Римской империи... и в Риме и в Византии монархов легко свергали, умерщвляли... Это не значит, что для византийца не было ничего святого...» [1, с. 219].

Основная часть. Византийцы, как народ опытный, были достаточно практичны, можно сказать: умственно техничны. Их подход к закону – не почитание закона «земных властителей», а польза и преемственность. Таким образом, вплоть до 1204 г., византийский прагматизм подкреплялся римской государственно-правовой традицией.

Однако Византийцы не восприняли знаменитую латинскую преамбулу: «да свершится правосудие, даже если рухнет мир», впоследствии взятая на вооружение испанским королем Карлом V. По замечанию отечественного исследователя средневековой морали Г.Г. Майорова, прагматизм и «Утилитарное отношение... выражалось в том, что... воспринималось как средство восхождения к... творцу» [13, с.7].

Важно отметить тот факт, что византийские святые отцы нередко рассматривали государство в качестве «удерживающего теперь», то есть той силы, которая препятствует небытию общества. В связи с этим тот же Иоанн Златоуст писал: «...должно разуметь, когда прекратится существование Римского государства (Византии), тогда он (антихрист) придет... Потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится антихристу; но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие...» [8, с. 187].

Христианство не требовало немедленной отмены рабства, но постепенно создало такие условия, такой социальный климат, в котором рабство становится невозможным. В Византии зависимые крестьяне были свободными гражданами, обладали правами. Просто они работали на земле, принадлежащей богатому землевладельцу, и платили ему за это. Фактически,

их правильнее назвать арендаторами. По словам современного исследователя, в указанных условиях: «Византийская традиция тщательно оберегала структуру и систему права, основные понятия и институты, юридическую технику и саму логику юридических построений» [2, с. 95].

В то же время, крестьяне на Западе – это изначально свободные люди, которых систематически и безвозвратно лишали всех прав. Пару слов о том, как это происходило. В Европе X век – время бурного строительства замков. Вопреки распространенному мнению, замок – это не оборонительное, а наступательное сооружение. Некий человек, у которого больше, чем у других, денег и возможностей, захватывал удобное в стратегическом смысле место, обносил его частоколом и называл своим замком. Потом деревянный частокол заменялся каменным. Это была база для того, чтобы заниматься грабежом – сейчас бы сказали, «рэкетом» – окружающих крестьян и защищаться от их возмущения. Владелец замка набирал себе наемных убийц – изначально из тех же самых крестьян, которым больше нравилось воевать, чем работать на поле. Именно, так и появилось западное рыцарство. Рыцарь, владелец замка, заставлял крестьян выплачивать себе дань. Чем дальше, тем больше эта дань становилась, и больше становилось замков. Соответственно, крестьянам оказалось попросту невыгодным работать на земле, потому что у них отнимали почти всё. Отсюда отношения преемственности с римскими правовыми нормами в средневековом западном обществе оказывались минимальными: «никогда на Западе классические римские правовые институты не носили абсолютный характер. В лучшем случае германские народы признавали их субсидиарное значение...» [2, с. 91].

Так, когда крестоносцы, направляясь на Ближний Восток, проходили через византийские земли, они видели, как живут византийские крестьяне. Видели – и жестоко завидовали. Они подозревали в этом какой-то обман. Странные люди, схизматики, почти сарацины-мусульмане – почему же они живут лучше? И это подогревало ненависть к Византии. Точнее даже сказать, ненависть варваров к более развитой цивилизации.

Византийский император, в отличие от западных монархов, был не просто «начальником над аристократами». В Византии император всеми воспринимался как представитель народа перед Богом и представитель Бога перед народом. Именно поэтому сама императорская должность воспринималась как святая. Заметьте: не личность императора, а только его должность! Император-василевс считался благочестивейшим и христоролюбивым для ромеев-византийцев лишь пока он исполнял императорские функции: защита обездоленных, поддержка Православной Церкви, восстановление справедливости, милосердие, и так далее. Если же он их не исполнял, то его начинали считать тираном и узурпатором. Свержение становилось лишь вопросом времени. Поэтому

любая непопулярная мера против народа должна была быть хорошо взвешена: стоит ли ее применять и каковы окажутся последствия. Византийская верховная власть исторически и юридически проистекала от древнеримской: «законотворческая правоспособность императора возникала на основе правомочий прежних магистратур» [2, с. 123].

Византийская империя просуществовала около 1100 лет, и в общей сложности больше половины этого времени в ней по закону не было смертной казни. Это принципиально важно – ведь тем самым постулировалась идея, что отнимать жизнь может только Бог.

Непререкаемый сторонник законности и правопорядка, византийский император Юстиниан I еще, будучи соправителем своего дяди Юстина I, пришел к заключению о важности и необходимости систематизации и пересмотра имперского законодательства. Судьбоносным «этапом в отношении этого является царствование... Юстиниана Великого, при котором было осмыслено и сформулировано (им самим и современниками) целостное и полное учение об императорской власти на основе христианского учения» [2, с. 134].

Ранее принятый Федосием II Юннейшим кодекс империи ромеев, не обновлявшийся своими содержанием с момента издания, стремительно устаревал. К тому же он не охватывал всей совокупности действовавших в византийском государстве правовых норм, в значительной мере основанных на разрозненных актах дохристианской эпохи и, в конечном счете, восходивших к классическим «12 таблицам», а также включавших, наряду с законами разных эпох, их авторитетные толкования.

Позднее, оказавшись единодержавным самодержцем византийцев, Юстиниан I в качестве дела наибольшей важности посчитал, кроме возвращения некогда римский областей Западной Европы и строительства собора св. Софии в Константинополе, объявил важнейшим составление нового кодекса империи ромеев. С указанной целью 13 февраля 528 года была создана комиссия под председательством квестора Трибониана – человека достаточно конформистского по моральным качествам и маловерного как христианина по ценностным основаниям, однако знатока права и государства «ветхого» Рима. В комиссию по отбору римского законодательства под началом Трибониана вошли комит Константин, по два ученых правоведа из Константинополя (Феофил и Кратин) и Бейрута (Дорофей и Анатолий), а также действующие нотариусы.

Через год работы комиссия Трибониана, действовавшая под присмотром и контролем самого императора Юстиниана, выполнила свою задачу, и 7 апреля 529 года был опубликован и вошел в силу как основополагающий законодательный акт государства тщательно просмотренный и выправленный императором новый «Кодекс конституций». (Конституциями

назывались декреты, эдикты и предписания римских принцепсов и императоров; их статус вначале был ниже, чем у законов в собственном смысле слова – *leges*, которые издавались народными собраниями, коммисиями, но со временем императорские конституции были уравнены с ними и стали также называться законами – *leges*.) Основу Кодекса, вошедшего в историю права с именем Юстиниана (кодекс Юстиниана), составил Кодекс Феодосия I, пополненный конституциями, изданными со времен Феодосия II до момента составления юстинианова Кодекса. При этом составители профессионально выполнили задачи, пересматривая законодательные акты, включаемые в сборник, убирая, насколько им это удавалось, противоречия между правовыми нормами разных актов, удаляя или изменяя устаревшие положения римского права.

Однако, позднее возникла необходимость в новом издании кодекса. Юстинианово законодательство продолжалось, появились новые конституции, которые не могли быть включены в свод 529 года, обнаружилось неизбежные недочеты Кодекса, выявлены были сохранившиеся в нем противоречия. Работа над совершенствованием Кодекса под наблюдением Юстиниана и руководством Трибониана велась фактически с самого момента его издания, и в результате пятилетних трудов было подготовлено и в 534 году опубликовано его новое издание – «*Codex repetitiae praelectionis*» («Переизданный и исправленный кодекс»), после чего первая редакция сборника получила название «*Codex vetus*» – «Древний кодекс».

В «Переизданный и исправленный кодекс» вошло около 4600 конституций, начиная с первых эдиктов императора Адриана, относящихся к 117 году. Выбор хронологической точки отсчета был обусловлен изданием при древнеримском императоре Адриане «Вечного эдикта», который подвел итог преторскому законодательству древнего Рима. 400 последних конституций «Кодекса» были изданы самим Юстинианом за шесть лет его правления. В «Кодексе» законы помещены на языке подлинника: хотя в столице империи Новом Риме-Константинополе в ту пору решительно господствовал греческий язык и он преобладал на большей части имперской территории Византии, все же приоритет отдан был латыни, которая оставалась языком армии и высших органов управления и была родным языком самого императора Юстиниана I – во всяком случае он, уроженец Иллирии, латиноязычной провинции империи ромеев-Византии на территории нынешней Сербии и Северной Македонии, им владел лучше, чем греческим. По примеру классических «12 таблиц», «Кодекс» разделен на 12 книг, а каждая книга в свою очередь делится на титулы.

Тогдашнее право империи заключено было, однако, не только в законодательных актах, но и в их толкованиях, которые в совокупности своей и

составляли то, что принято было называть *jus* (право) в узком смысле слова, в противоположность законам (*leges*) и конституциям. Законоприменительная практика опиралась на мощный пласт традиции таких толкований, без которых немислимо было решать множество сложных казусов и коллизий, особенно в области частноправового – тяжёлого – судопроизводства.

Своды «Кодекс», «Дигесты» и «Пандекты», «Институции» и «Новеллы», по замыслу Юстиниана, составляли единое целое, тем не менее употреблялись они вначале как самостоятельные сборники, каждый из них переписывался и издавался отдельно; не имели они и общего наименования, которое появляется уже только в средневековую эпоху, в XII веке, на Западе, когда там возрождается интерес к римскому праву и начинается его систематическое изучение и преподавание. Получивший название «*Corpus juris civilis*», свод святого императора Юстиниана был положен в основание преподавания права на юридических факультетах.

Однако в эпоху составления «Корпуса Юстиниана», в VI веке, на западе Европы, где образовались варварские королевства, право пережило катастрофическое падение. Как пишет современный отечественный византолог И.П. Медведев, в варварских королевствах Запада, в противоположность Византийской империи, «место публичного римского права заняло патримониальное обычное право варварских «правд», в результате чего произошла как бы приватизация государства, низведение его до ранга *res privata* военного вождя, его родовой собственности... Частное право заменило публичное, а государство стало пониматься как большая вотчина» [14, с. 11].

Дальнейшим шагом вперед в развитии системы византийского права была Эклога. Изданная в 726 г., претендующая на роль общеимперского законодательного свода, затрагивает лишь некоторые вопросы права; к тому же недостаточно ясен вопрос, в каких случаях она воспроизводит старые нормы, в каких – отражает изменения, совершившиеся после издания Юстинианова свода.

Указанный свод законов явился памятником законодательной деятельности византийских императоров-иконоборцев из исаврийской династии Льва III Исавра (25 марта 717 г. – 18 июня 740 г.) и Константина V Копронима (соправитель с 31 марта 720 г.; император с 19 июня 740 г. – 23 сентября 775 г.). Дата Эклоги была точно установлена учеными на основании изучения рукописи монастыря Никанора из Заворды. Свод был издан императором Византии 31 марта 726 г. [11, с. 195].

Судебник «Эклога» открывает собой целую группу кратких законодательных сводов, изданных византийскими императорами в VIII и IX вв. Хотя «Эклога» не отменила действия законодательства Юстиниана и по сути дела лишь в некоторых

направлениях развила и изменила его отдельные нормы, тем не менее она ставила себе реформаторские задачи. Сущность задуманных ее составителями реформ изложена в открывающем книгу предисловии. При составлении этого непривычно краткого свода авторы его, очевидно, взяли за образец некоторые предшествующие сборники-эпитомы, составленные юристами для нужд судебной практики. Хотя прямых заимствований из трудов юристов.

В середине VIII в. появилось приложение к Эклоге, которое включало некоторые вопросы, не нашедшие отражения в основной Эклоге, в частности такие составы, как преступления против личности и преступления против веры. По сравнению с трактовкой этих преступлений, содержащейся в «Дигестах» и Кодексе Юстиниана I, авторы приложения усилили ответственность за преступления против веры, направляя основные репрессии против еретиков (манихеев и монтепистов). В приложение к «Эклоге» были включены также четыре самостоятельных закона – земледельческий, военный, морской и Моисеев [3, с. 200].

Для социально-экономической истории Византии того периода особенно важен «Земледельческий закон» (греч., Νομος γεωργικός) – краткий юридический сборник, регламентирующий правовые отношения в деревне. В нем предусматривалась ответственность за кражу зерна, плодов, леса, за потраву посевов. Известно, что «Земледельческий закон» не знает зависимого населения и оперирует исключительно категориями свободного крестьянства [20, с. 27]. «Земледельческий закон» сохранился в многочисленных рукописях, древнейшие из которых датируются XI в.; текст и порядок изложения в разных списках различен. Дошли до нашего времени и средневековые переводы «Земледельческого закона» на славянские языки, где мы находим иногда серьезные расхождения с греческим оригиналом.

Охарактеризованная в «Земледельческом законе» деревня – это поселение свободных крестьян, не знающих над собой никакого господина, кроме государства. Государству же они обязаны повинностями. «Земледельческий закон» пять раз упоминает о рабах. Раб по-прежнему считался юридически неспособным лицом, и за совершенную рабом кражу материальную ответственность должен был нести господин: именно он возмещал ущерб, нанесенный преступлением раба, а сам уже расправлялся с невольником по своему усмотрению [3, с.200]. Только в особо тяжелых случаях «Земледельческий закон» предусматривал наказание для раба – мучительную смерть на «фурке», особом орудии пытки.

Нормами «Земледельческого закона» фиксируются арендные отношения после аграрного переворота VII – VIII вв. Отмеченный «Закон» упоминает аренду двух видов угодий – пахотной земли и виноградника. Необходимость брать землю

в аренду, как об этом сообщает «Земледельческий закон» (ст. 10 – 16) вызвана крайней нуждой крестьянина в земле.

Наконец, дискуссионным остается вопрос о том, является ли «Земледельческий закон» императорским законодательным актом и, следовательно, распространялось ли его действие на всю страну или ограничивалось сравнительно узкими территориальными пределами. Византинист А.П. Каждан писал, что «Земледельческий закон фиксирует обычай, разрешающий крестьянину пользоваться заброшенной землей; он обеспечивает временного владельца от претензий прежнего хозяина земли; в то же время он возлагает на временного владельца обязанность выполнять повинности за участок, которым он пользуется. Принудительного привлечения крестьян к отправлению государственных повинностей за недоимщиков Земледельческий закон не знает» [9, с. 62].

Не менее сложен вопрос и о других юридических памятниках, обычно связываемых с «Эклогой»: это так называемый «Родосский морской закон» (легализация обычаев, установившихся в мореплавании в Восточном Средиземноморье) и «Военный закон». Их возникновение надо отнести к периоду VII–VIII вв. (более точная датировка невозможна). По данным отечественного историка: «Они, представляют собой памятники, далеко еще не ясные в своем происхождении» [11, с. 201]. Указанные законы были тесно связаны с Дигестами.

Появление Морского закона, возможно как плода деятельности какого-либо юриста, могло быть связано с потребностями возросшей в те времена морской торговли и товариществ, занятых ею. Как предполагал издатель Морского закона, закон был, вероятно, предназначен для включения в позднейший свод Василика.

В «Военном законе» была определена ответственность военнослужащих за совершение воинских преступлений. Это был своего рода устав воинской дисциплины. В «Морском законе» указывались нормы оплаты экипажа корабля, правила поддержания порядка на кораблях, ответственность владельца корабля и т. д.

Моисеев закон включал в себя морально-религиозные предписания и нормы, заимствованные из Ветхого Завета. Составители рассматривали эти нормы в качестве юридических, применяемых на практике. Эклога, приложение к «Эклоге», земледельческий, морской, военный и Моисеев законы составили единый корпус светского права Византии, нормы которого действовали в течение VIII – IX вв. вплоть до появления обновленного законодательства императоров македонской династии.

Важнейшими источниками византийского церковного права были постановления вселенских церковных соборов и патриархов. Одним из памятников византийского светского и церковного права являлись сборники церковного и светского права, которые получили название Номоканонов.

После «Эклоги» вплоть до издания Прохирона не появлялось никаких законодательных сборников. В этих условиях особое внимание привлекает к себе одна из частных переработок «Эклоги». По мнению Е.Э. Липшиц, «Изучение этого источника позволяет хотя бы отчасти заполнить... пробел в наших знаниях истории византийского права» [12, с. 8]. Так называемая Частная Распространенная Эклога (*Ecloga privata aucta*) на основании изысканий ее издателя может быть охарактеризована как ценнейший дошедший до нашего времени законодательный памятник в частной обработке, который дает представление о состоянии византийского права в период после издания официальной «Эклоги» и до начала законодательства императоров Македонской династии.

Византийский император Василий I Македонянин (867 – 886 гг.) прежде всего, предпринял попытку общего пересмотра ромейского законодательства, что в официальных документах того времени было названо «очищением старых законов». Плодом этого очищения старых законов явился в 872 г. еще один юридический памятник – «Прохирон», который имел целью изложить в более доступной языковой форме римское право, которое бы было достижимо для понимания людей широкого круга, «существенно» упрощая язык юриспруденции и почти освобождая его от довлеющего влияния клерикализма. Свод царя Василия Македонянина также излагал принципы правового строя византийского общества.

В более чем 40 титулах «Прохирона» содержались нормы, регламентирующие брачные отношения (в частности, порядок распоряжения приданым), нормы наследственного и обязательственного права, уголовно-правовые нормы, вопросы гражданского оборота, брачного права [3, С. 201]. Его составители отвергли законодательство иконоборцев; в подавляющем большинстве случаев нормы «Прохирона» восходят к римскому праву. Лишь в некоторые титулы «Прохирона» были включены постановления императора Василия I (867-886), из которых особенно важны два: воспреещение взимания процента (XVI, 14) и разрешение отпуска на волю рабов, принадлежавших лицам, умершим без завещания (XXXIV, 17). Остальные затрагивают частные вопросы (о четвертом браке и конкубинате-IV, 25-26, о числе свидетелей при составлении завещания – XXI, 16, о лишении права наследования – XXXIII, 30-32 и некоторые другие) и к тому же сплошь да рядом представляют собой комментарий к юстинианову праву (например, XIV, 11) [12, с. 55].

Помимо сборника «Прохирона», который был издан Василием I Македонянином, чтобы способствовать и облегчить пользование правом, сформулированным в Своде Юстиниана, по распоряжению того же императора был подготовлен проект еще одного краткого руководства. Это – руководство, известное в

рукописной традиции под названием Эпанагоги законов, т.е. Переработанного повторения законов (*repetita praelectio*).

Весьма оригинальной была трактовка полномочий вселенского патриархата Константинополя, изложенная под несомненным влиянием вставок патриарха константинопольского Фотия: вопреки традиционному византийскому представлению о единовластии божественного самодержца-автократора, авторы «Эпанагоги» развили учение о двух взаимодополняющих властях – императорской и патриаршей, согласие между которыми объявлено было неперенным условием благоденствия подданных. «Эпанагога» содержала также, запрещавшее сановной знати приобретать от подчиненных лиц земельные владения как в форме дарения, так и путем покупки.

Законодательный сборник «Эпанагога» была составлена, по-видимому постиконоборческий период, в 884 – 886 гг. Как и Прохирон, Эпанагога осуждает законодательство иконоборцев, но в отличие от Прохирона она содержит значительные уступки исаврийской Эклоге, особенно ярко проступающие в XIX титуле. В то же время Эпанагога включает ряд новых титулов, касающихся различных сторон византийского права.

Во время императора Льва VI Мудрого были завершены начатые при Василии I Македонянине труды по составлению большого сборника из Индексов к Дигестам, Кодексу и Новеллам – Василики. Последний, в частности, представляет собой сборник, состоящий из 60 книг, охватывающих самые различные стороны уголовного гражданского и государственного права.

Судебник «Василики» были составлены в начале правления императора Льва VI Мудрого (886-912): они были завершены примерно в 890 г. В преамбуле-предисловии X в. в Эпитоме говорится, что император Лев при помощи протоспафария Симватия и других мужей собрал «почти все законы» из XII таблиц, Дигест Юстиниана, Институций и Новелл и изложил их в шестидесяти книгах.

Василики представляют собой целую энциклопедию права, в которой все разделы законодательства Юстиниана объединены и распределены по тематическому принципу. Это тот же принцип, по которому построен и Кодекс Юстиниана. Внутри каждого титула выдержки из права Юстиниана располагались в определенном порядке, по большей части соблюдался хронологический принцип. Концепты из «Дигесты» располагались в начале, затем следовали законоположения Кодекса и, наконец, новелл. Такой порядок расположения многочисленных законоположений значительно облегчает пользование сводом.

«Василики» были созданы не для того, чтобы заменить юстинианово право или дополнить его византийскими нормами, они представляли собой

изложение юстинианова права, которое продолжало считаться действующим правом. Рецепция норм римского права, осуществленная в «Василиках», соответствовала, разумеется, потребностям сильной императорской власти, ибо в законодательных нормах времен Юстиниана византийское правительство конца поздней античности сохранило рудименты аристократизма прошлого, с ее политикой димов-столичных партий.

«Василики» явились последним официальным законодательным сводом, созданным в Византии. В дальнейшем последующие судебно-правовые сборники византийцев носили полуофициальный характер. Однако некоторые из них в силу присущего им авторитета позднее, уже после гибели самого Византийского государства, подобно официальным сводам, признавались действующим правом.

В период IX–XI вв. расширились и культурные связи, особенно со славянскими государствами на Балканах, а также с Древней Русью. Это время справедливо рассматривают как одну из самых ярких эпох в истории византийской культуры. Литературы, архитектуры, искусства. С принятием славянскими народами христианства в форме восточного православия некоторые части византийского законодательства были переведены, подобно Эклоге, на славянские языки и вошли в состав законодательных сводов этих государств.

С христианизацией Руси (официальное крещение с 988 г.) меняется и нравственная ориентация древнерусского общества и важная заслуга здесь принадлежит византийской традиции. Такие существенные перемены вряд ли могли произойти, не затронув сферы воздействия византийского права на древнерусское законодательство. Однако вопросы истории взаимодействия византийского права и древнерусских законодательных норм разработаны еще далеко не достаточно [23, С. 55].

Систематическое взаимодействие византийских социально-правовых традиций и духовных институтов древнерусского общества впервые четко были рассмотрены в «Русской правде» – одном из первых восточнославянских сводов законодательства Руси, который утверждал некоторые юридические реминисценции византийской правовой традиции при наличии существенных принципов дописьменного права славян. Узаконенный в условиях христианизации кодекс юридических норм древнерусского общества, являясь общегосударственным установлением, отказывался от системы координат духовных ценностей дохристианских традиций славянства, однако это не означало полной византинизации юридической культуры Древней Руси. В указанных обстоятельствах важнейшим основанием системы древнерусской юриспруденции оказывается материальный заместитель того ущерба, например в случае причинения имущественного вреда, может быть штраф. «Русская правда» будучи нерелигиозным

документом, не регулировала церковно-государственные отношения, которые были в ведении константинопольского патриарха и уставов церкви.

Важным этапом на пути переосмысления и привлечения на русско-славянскую семантико-правовую основу парадигм святоотеческого духовно-нравственного наследия Руси явилось «Слово о законе и благодати» митрополита киевского Илариона. И именно в творчестве митрополита Илариона Киевского с особой остротой отразилась та качественная перемена произошедшая в сознании древнерусского общества к середине XI в.

На много столетий вперед киевский мыслитель предупреждал об опасности восприятия сверхжесткого юрицизма, поскольку закон-внешняя сила, требующая слепого подчинения, порой лишаящая человека творчества благодать же снисходя на человека, действует изнутри, что предполагает свободный выбор: «Прежде закон, а потом благодать, прежде тень, а потом истина» [7, с. 31]. Так Иларион отмечает, что никакие законы не помогут, если человек не изменится духовно-нравственно в этом главная роль принадлежит благодати.

Позднее в крупных центрах древней Руси: Полоцке, Новгороде и Пскове в XI – XV в. появились свои уставные документы и «Законники», разработанные в развитие идей «Русской правды» и церковных Уставов. Кроме того, в них были реализованы нормы регламентирующего права отдельных древнерусских земель, грамоты правителей и местное законодательство.

Важным отличительным аспектом русской духовности от византийской было то, что русская монархия выросла не как прагматическое стечение обстоятельств, а из патриархально-родовых отношений. Создается первый общерусский сборник законов – Судебник 1497 г., сыгравший большую роль в процессе централизации страны. характеризуется достижениями в области систематизации законодательства – созданием Судебника 1550 г. и Соборного уложения 1649 г. Самодержавный характер управления российским обществом стал краеугольным камнем государственного устройства еще в старомосковские времена. «Вся философия самодержавия у царя Ивана свелась к одному простому заключению: «Жаловать же своих холопей мы вольны и казнить их вольны же сами...» [19, с. 169]. Ослабление правовых устоев общественного устройства было равно степени усиления московской государственной власти как ядра русской формы управления обществом.

Начиная с конца XVII в. развитие русской духовной культуры происходит под воздействием секуляризационных процессов. В то время на смену церковно-византийской идее русского средневековья приходит в качестве социальной доминанты принцип государственного этатизма Нового времени, где основными ценностными

категориями становились законопослушание и целесообразность.

Выводы: Русь и Россия всегда исторически находились на стыке многих зон религиозных, этнолингвистических и исторических потоков. Задача единения различных этнических сообществ на Востоке Европы решались в Российской империи на основе вестернизированной легитимизации, провозглашения властью своей безусловной политической правоты. По мнению первого российского императора византийский путь должен быть оставлен россиянами: «Надеясь на мир, надлежит и не ослабевать в воинском деле, дабы с нами не случилось так как с монархией греческою» [16, с. 278.].

Де-юре и де-факто, только после инкорпорации Таврических территорий россияне получили право считаться духовными преемниками византийцев, их наследия и культурного пространства, с включением в состав России земель Херсонеса-Севастополя, что с неудовольствием констатировано было просвещенческой Европой и остается геокультурной и международной проблемой бытия РФ. Российская империя подошла вплотную к тем социальным проблемам, которые решала в свое время империя Римская. Главной из них был вопрос: как гармонично сочетать сильную и эффективную государственную власть с бессловесным гражданским обществом, централизованный административный аппарат – с высокоразвитой правовой культурой и эффективной экономикой? Трагедия состояла в том, что в условиях того времени византийский имперский опыт не был – да и не мог быть – востребован и освоен, прежде всего, в силу его недостаточной изученности.

Литература.

1. Аверинцев С.С. Византия и Русь два типа духовности / С.С. Аверинцев // Новый мир. – 1988, № 7. – С. 210-221.
2. Величко А.М. Византийская симфония / А.М. Величко. – М.: Вече, 2017. – 544 с.
3. Всеобщая история государства и права / Под ред. К.И. Батыра. – М.: Юрист, 1998. – С. 201.
4. Геннадий Константинопольский Св. отцы, – Геннадий Константинопольский. Слово о вере и жизни христианской. – СПб.: Сатисъ, 1998. – С. 129-183.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд/ А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350с.

6. Дашков С.Б. Императоры Византии /С.Б. Дашков. – М.: Издат. дом “Красная площадь”, “АПС.Книги”, 1996. – С.22

7. Древняя русская литература: Хрестоматия. – М.: Просвещение, 1988. – 429 с.

8. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. В 12 Т.: т.1 / Иоанн Златоуст. – М.: Православная книга, 1991. – 398с.

9. Каждан А.П. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII – X вв. // Византийский временник Т. XIV. – М., 1958. – С.48-65.

10. Леонтьев К. Н. Избранное. – М.: Моск. рабочий, 1993. – 400 с.

11. Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV-VIII вв./ Е.Э. Липшиц, АН СССР Ленинградск. отд. – Л.: Наука, 1976. – 230 с.

12. Липшиц Е.Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX – XII вв. – Л.: Наука, 1981. – 246 с.

13. Майоров Г.Г. Этика в средние века / Г.Г. Майоров. – М. Знание, 1986. – 64с

14. Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи / И.П. Медведев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 576 с.

15. Межуев В. М. О национальной идее / В.М. Межуев // Вопросы философии, 1997. – № 12. – С. 3- 14.

16. Павленко Н.И. Петр I.-6-изд./ Н.И. Павленко. – М.: Мол. гвардия, 2005. – 428 с.

17. Пселл М. Хронография./ Пер. с греч. и комм. Я.Н. Любарского / М. Пселл. – М.: Наука, 1978. – 503с.

18. Святой Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии: тексты. Пер с греч./ Дионисий Ареопагит. – СПб.: Глаголь, РХГИ, Университетская книга, 1997. – 188с

19. Скрынников Р. Г. Русская культура в XVI веке // Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: в 2 Т., т.2 / Р.Г. Скрынников. – Смоленск.: Русич, 1996. – С. 308- 337.

20. Сюзюмов М.Я. О характере и сущности византийской общины по земледельческому закону. – Византийский временник. Т. X – М., 1956. – С. 27-47.

21. Успенский Ф.И. История Византийской империи IV-IX вв./ Ф.И. Успенский. – М.: Мысль, 1996. – 827с.

22. Цицерон, Марк Туллий. О государстве // Цицерон. Диалоги. – М.: Ладомир, Наука, 1994. – 222 с.

23. Konrad A.N. Old Russia and Byzantium: The Byzantine and Oriental Origins of Russian Culture. // (SEEJ)Slavic and East European Journal. – № 17, 1973. – p.484- 488.